

УДК 881.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г41

Иллюстрация SinXenon

Герц, Полин.
Г41 Обелиск : [роман] / Полин Герц. – Москва: Изда-
тельство АСТ, 2024. – 288 с. – (New Adult. Готические
романы).

ISBN 978-5-17-162919-9

Квартира наверху всегда пустовала, но в одну из февральских но-
чей в замке повернулся ключ...

Каково это – знать, что живешь бок о бок со Жнецом? И каково
это – понимать, что совсем скоро он постучит в дверь не за шепоткой
соли, а за твоей душой?

Каково это – любить смерть?

УДК 881.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-162919-9

© Полин Герц, текст
© SinXenon, иллюстрации
© ООО «Издательство АСТ», 2024

*Моей маме —
вечному маяку и единственному человеку,
способному зажечь свет в жизни*

Чёрно. Изломано. Мёртво.
Ветки — ножами под рёбра.
В тёмной квартире холодной
Где же твой свет?
Суть обелиска — в гранях.
Тот, кто их там оставил,
Вытесал и исправил
«Память» на «Смерть».
Странно. Безумно. Больно?
Всё, что я ей позволил, —
Взять пустоту в ладони.
Это ли жизнь?..
Глупый и детский выбор.
«Эй, ты в игре?»
«Я выбыл».

I

ПОЛНОЧЬ

«Часть квартала останется без света 2 февраля».

— Черт, — прошипела она, читая очередное объявление, небрежно приклеенное на входную дверь.

Холодный ветер небрежно трепал голубую бумажку. Дешевые чернила примитивного струйного принтера уже начали кое-где подтекать, сдаваясь под натиском редких снежинок. Совсем даже не уникальных. Кто выдумал глупую байку о том, что каждая снежинка — единственная в своем роде? Бред. Все они одинаковые. Мелкие, невзрачные, холодные.

Переступив с ноги на ногу еще пару раз, чтобы наверняка, она провернула ключ в замочной скважине и, пожалуй, слишком сильно толкнула дверь. Тонкий витраж протестующе задрожал, вызывая еще одну порцию злости. Бессмысленной, пустой, жалкой.

Дожили. Бесит даже такая мелочь. Мелочь? Ну уж нет.

Вторую неделю подряд отключают. И вторую неделю подряд она ужинает кисло-сладкой лапшой из забегаловки на углу, потому что все продукты из холодильника, который то умирал, то возрождался, не-

изменно приходилось выбрасывать. Всякий раз, когда на двери появлялась идиотская голубая бумажка. Драть дурно пахнущие полки и створки надоело уже после второго раза, поэтому сейчас вилка была беспощадно выдернута из розетки, а та глядела на давнюю подругу грустными пустыми отверстиями, за которыми то появлялся, то исчезал ток. Попеременно. Потому что ток в ее доме переменный, а не постоянный. А какого черта он не постоянный? Какого черта вокруг вообще нет ничего постоянного?

Листок хотелось сорвать, скомкать в кулаке и выбросить в никуда. Но нельзя. И не потому, что мусорить — плохо, а потому, что в этом же доме живут еще двое таких же горемык.

В первой квартире, прямо напротив, сычом сидит Филипп, безуспешно пытаюсь дописать абсолютно-никому-не-нужную-диссертацию по книжкам уже как пять веков всеми забытого философа. Несчастный Фил три года назад закопался в свои совсем-никому-не-нужные-великие-труды и сам не заметил, как увяз по самые уши. А когда заметил, было поздно.

Он ее никогда не допишет.

В третьей квартире, что над гнездом Филадельфии, наигранно-вымученно терпя томные взгляды поклонниц, душил остатки таланта и пропивал давно ставшие копеечными гонорары богом забытый Мэтт. Когда-то Мэтт-рокер, теперь просто Мэтт-хмырь, вставлявший в любой диалог тупые цитаты из своих однотипных баллад о вечной любви. Бог забыл, а дуры с нелепо выкрашенными прядками помнили. И восторженно бле-

ОБЕЛИСК

яли, когда он притворно-неохотно брал в руки гитару. И воображали, что еще он может делать своими длинными пальцами, на кончиках которых уже прочно расплзлась беспросветная никотиновая желтизна.

Она никогда не исчезнет.

Напротив Мэтта не было никого — квартира 4В всегда была пустой. И она потихоньку этому радовалась, потому что никого — значит, тихо, значит, что никто не зальет потолок, не будет плясать по ночам на скрипучих досках.

Вокруг был хаос: гул машин, треск проводов, шарканье толпы, кашель, крики, приветствия и прощания.

Это она ненавидела.

Но наверху было тихо. Там, над потолком, всегда было спокойно, и порой казалось, что звуков может не быть и в голове. Без лязга, без свиста.

Это она любила.

В ее 2В было тоже пусто. Не так, как этажом выше, конечно: клочки пыли лениво бегали из угла в угол, проигрыватель трещал, впопыхах вываленные из шкафа вещи небрежно валялись на полу. Но пустота таранилась черными глазами из каждой щели, из каждой розетки и ящика, потому что ни горы тряпья, ни новенькая, еще блестящая кофемашина, ни ломящиеся от книг полки не наполнят жизнью то, что принадлежит ходячему трупу.

4В была честной, потому что не скрывала свою пустоту — только голые полы и стены, 2В же была лгуньей, старой портовой шлюхой, маскирующей под румянами и помадой зияющее ничто. И порой казалось, что жить этажом выше было бы честнее.

Пустой девушке — пустая квартира.

Нажав на кнопку с маленькой иконкой, которая обещала двойной эспрессо, она нащупала пульт, и из угла выполз маленький услужливый пылесос. Подняла иголку, остановила бесшумную пластинку, но спустя две секунды, немного подумав, вернула иглу, но в самое начало композиции. Из динамика послышались приятные звуки.

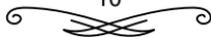
Казалось, что вот-вот место вдохнет полной грудью, ведь пыль уже почти исчезла, запахло свежим кофе, а из гостиной слышится музыка. Ну же, еще чуть-чуть, совсем немного... Но нет.

Оно никогда не оживет.

Наверное, поэтому жить напротив обреченной 1А, рядом с беспросветной 3А и под всегда пустой 4В было так хорошо. Вокруг не было счастья, поэтому его отсутствие внутри никогда не тревожило сердце. Почти.

К черту. До отключения электричества оставалось больше часа, а значит, она еще успеет зарядить ноутбук и все аккумуляторы. И наушники, это не обсуждается, потому что скоро замолкнет проигрыватель, падет храброй жертвой переменного настроения, и она вынужденно останется в полной тишине. Которую так любит. От которой снова захочет вскрыться.

Город увяз в вечерних сумерках, как муха в джеме. Пальцы бездумно порхали над клавиатурой, глаза раздраженно щурились — подсветки ноутбука и еле горящей керосиновой лампы, купленной две недели назад со словами «какого хрена пятьдесят?», явно не хватало. Надо было тогда кричать не «какого хрена

ОБЕЛИСК

пятьдесят», а «дайте две». Песни в наушниках вяло сменяли друг друга — новый текст давался плохо, а в каждой строчке сквозили мучения. И как же хорошо, что на экране появлялась очередная заметка об очередном трупе. В тему. Под настроение. Самое то.

Нелепая смерть в нелепом месте.

Мысль произвольно появилась на экране. Пара злобных щелчков на Del. Сдавать уже утром — не хватало еще отнести редактору историю о трагедии с такой вот милой авторской ремаркой. Вот когда будет нелепая смерть — Уиллис не простит ей даже лишней запятой, не говоря уже о подобной самодеятельности. Не теперь.

Непрощенные воспоминания о злых карих глазах, о костяшках кулаков, кривящихся губах, выплевывающих слова «я всегда знал, что ты тварь» вновь пробились под закрытые веки. Ну и ладно.

Вчитываясь в дрожащие строчки, она сверяла написанное с украдкой сфотографированным в офисе коронера отчетом — сердечный приступ. У здорового мужика со стерильным анамнезом, дважды прибегавшим вторым на городском марафоне. Приступ, ага. В самом деле. Но анализы были чисты: ни грамма химии, на которую можно списать неожиданное фиаско сердечной мышцы. Вообще ничего. Тем лучше. Внезапно идея ремарки о нелепой смерти показалась не такой уж глупой, надо только кое-что заменить. Что мы говорим в таких случаях? Правильно, не тупо, а нетривиально, не нелепо, а загадочно. Да. Загадочная смерть. И плевать, что ей плевать.

Это Уиллису понравится. Раньше он бы озорно улыбнулся, взглянув на нее из-под длинных ресниц. И взгляд этот был бы теплым. Но не теперь.

Щелчки клавиатуры стали жестче. Заключительная часть, буква за буквой, впечатывалась в электронный лист, словно символы могли что-то изменить. Стоп. Слишком громко, даже в наушниках.

Убрав руки от клавиатуры, она нажала на паузу и прислушалась к темноте, уже приготовившись обругать себя за пустое беспокойство, но звук повторился. И правда громко. Как она могла не услышать раньше, что в ее дверь безбожно колотили?

Сняв наушники, поднялась и, вооружившись керосинкой, как монах лампадкой, злобно зашагала на звук. Дверь открыла под настроение — резко и широко, так, что кулак, барабанивший по дереву, провалился в пустоту. Следом на нее едва не свалился всклокоченный Фил.

— Какого хрена? — вернув равновесие, рывкнул сосед. — Битый час же луплю!

— Какого хрена что? — облокотившись на косяк, ответила она с недобрым прищуром. — Какого хрена что, Филипп?

— Какого хрена ты не открываешь, — успокаивая дыхание, ответил он чуть более мирно. — Я из сил выбился.

— Ну, так не надо было долбиться в мою дверь, — вдох и выдох. — Что такого важного могло случиться, раз уж это не смогло подождать до завтра? Перед тем как вылезать из своей норы и выносить чужую дверь, стоит взглянуть на часы. Знаешь те штуки, которые показывают подходящее и неподходящее время.

ОБЕЛИСК

— Прекрати, — снова зашипел сыч. — Я тут ни при чем. И я такой же заложник ситуации, как и ты. Мне срочно нужен ключ от четвертой квартиры.

— На кой черт он тебе сдался? — устало протянула она, сдерживая гнев.

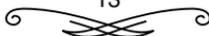
Фил шикнул и дернул головой вправо, округляя и без того до неприличия большие рыбы глаза. И только сейчас она заметила ее — фигуру в углу, что притаилась за плечом соседа. Тонкая, высокая, но не хрупкая. Подняв керосинку повыше, она осветила коридор. Из темноты холодно сверкнули светлые глаза, кажется, голубые. Тени, созданные слабым огнем, запертым в стеклянной коробке, очертили прямой, но не длинный нос, тонкие, но не слишком, губы, высокие, но без перебора, скулы. Закутанный во все черное, незнакомец сделал шаг вперед и открыл рот. Голос был звучным, но спокойным. Мелодичным, но не попсовым. Таким голосом можно обращаться к целому войску, которое ты отправляешь не верную смерть. И воображение подсказывало, что армия внимала бы каждому слову.

Полководец, как окрестила она про себя человека без имени, вновь открыл рот, повторяя то, что сказал раньше.

— ...ключ от 4В, пожалуйста.

— Что? — переспросила она, надеясь, что рассеянность можно списать на прерванный сон.

Голос и сейчас ничуть не изменился. Учитывая, что незнакомец повторял одно и то же в третий раз, внутри мелькнуло удивление — она бы уже разоралась.

Так громко, чтобы с третьего раза уж точно дошло. Но нет. Не все такие, как она. И хорошо.

— Я снял квартиру на втором этаже и хотел бы в нее заселиться. Передайте мне ключ от 4В. Пожалуйста.

Предельно вежливый и спокойный, но глаза его искрили льдом. И не таким льдом, которым последние недели сверлил ее спину Уиллис, там было разочарование. Здесь же — ничего. Равнодушие. И никаких отключений через день — лед был толстым, такой нужно морозить долго, без перерывов.

— Я вас поздравляю, — ну уж нет, не в ее смену. Пусть снимает другую пустую квартиру, а эту оставит в покое. Тихой, нетронутой. — Добро пожаловать на Грин-стрит, 118.

— Ключ, — повторил он, одаривая ее новой волной спокойствия с нотками усталости. Словно это она потревожила его среди ночи. — От 4В.

— Я не домовладелец. И не консьерж, — равнодушно бросила она, складывая руки на груди. В глазах Филадельфия мелькнул немой укор. Она врала, и он это знал, но ей было плевать. — Если вы действительно сняли 4В, то ключ вам должен был передать мистер Боуз. Доброй ночи.

Развернувшись, она оставила растерянного Филадельфия наедине с человеком без имени и уже приготовилась хлопнуть дверью, как голос соседа вернул ее обратно.

— Стой же, Боуз и попросил помочь — старика нет в городе.

И что? Ей не было до этого дела — просили не ее, напрягаться не ней. Хотя это все-таки было как-то не-

ОБЕЛИСК

хорошо, некрасиво. Бросать соседа в беде — плохая примета. Вдруг еще понадобятся раритетные томики из его обширной библиотеки или бутылка бурбона, которая у него есть всегда, а вот у нее — никогда. Такое у нее не задерживается.

Жечь мосты было глупо. Не по-соседски. Да и Боуз не оценит. Ругать, конечно, не станет, только кинет парочку укоризненных взглядов в ее сторону. И от этого на душе станет еще хуже.

— Как же вы тогда заключили сделку? — повернулась она, сверля глазами то несчастного и помятого ночными приключениями Фила, то невозмутимого незнакомца. Человек без имени остался стоять фонарным столбом, и в какой-то момент ей даже показалось, что он вовсе не дышит. — Боуз всегда лично выбирает арендатора.

— Для меня мистер Боуз сделал исключение. — В руках у Полководца загорелся планшет. Тонкие длинные пальцы протянули железку, и она увидела электронную версию договора.

Но верить такому в наши дни все равно что верить звонку из банка, вежливый сотрудник которого говорит, что все твои деньги прямо сейчас крадут и единственный способ остановить негодяев — назвать код от карточки.

Да хрен им всем.

Ничего не ответив, она прошагала вглубь квартиры и нащупала на столе телефон, наплевав на время суток. Мысль была простой: если Человек без имени мошенник и Боуз никому ничего не сдавал — да, она искренне на это надеялась, — заспанный старик по-

благодарит ее за бдительность. А если Полководец действительно новый сосед — что ж, сэр, надо было самому заселять постояльца. Или на худой конец предупредить, потому что единственный запасной ключ от 4В был только у нее.

Гудки наконец прервались, из трубки послышалось сонное «алло», а она вернулась к дверному косяку, за которым нервно дергался Филипп и так же спокойно возвышался Человек без имени.

— Мистер Боуз, прошу прощения за столь поздний звонок, — она говорила спокойно и медленно, так, чтобы до разбуженного старика дошло. — Здесь мужчина... эмм...

— Мистер Морс, — торопливо подсказал Фил.

— Здесь некий Морс, который просит ключ от 4В. Да, сэр, поняла... конечно... Все в порядке, не беспокойтесь, я его провожу... Само собой...

Великолепно. Просто чертовски восхитительно. Ладно, нужно выдохнуть. Так и не ответив на немой вопрос Филя, она запихнула телефон в слишком маленький карман пижамных штанов и вернулась в гостиную, к стеллажу, в книгах которого был спрятан ключ от ее любимой 4В. Честной. Пустой.

— Эй, ты куда запропастилась? — слабо крикнули со стороны.

Рука по памяти нащупала шершавый корешок «Одиссеи», и, открыв книжку на середине, она выудила маленький, потемневший от времени и безделья ключик. Когда-то золотой, сейчас, в полутьме, он казался темным и ржавым. Хоть бы и вправду покрылся коркой, тогда Человек без имени, простите, Морс, не смог

ОБЕЛИСК

бы открыть дверь наверху. И убрался восвояси, слился с ночью и больше никогда ее не побеспокоил.

— Эй! — слабо позвали из-за косяка.

— Иду, Фил, нашла...

Тонкие пальцы аккуратно подобрали вещицу с протянутой ладони. Казалось, что Полководец — к черту, не будет она называть его Морсом, пускай остается таким, безмянным, достойным лишь прозвища, что первым пришло на ум, — старался не прикасаться к ее коже. Выуживал маленький ключ так, как грошовую мягкую игрушку из детского автомата. Брезгливо.

— Удачи, мистер Морс. — Имя все-таки пришлось произнести, не называть же его вслух Полководцем. — С новосельем и все такое. Фил, — она бросила взгляд на соседа, — доброй ночи.

Да, так, с ударением на последнем слове. И пусть только попробует в следующий раз зажать бутылку.

— Разве ты не поможешь мистеру Морсу? — И он снова округлил свои безжизненные глаза. И все-то услышал.

— Конечно, — вот такое ровное «конечно» вместо отборной брани, которая так и крутилась в голове. — Пойдемте, Морс.

— Благодарю, но я справлюсь и сам. — Словно прочитав мысли, он сделал лучший подарок и отказался от помощи.

— Стойте, мистер Морс. Дом старый, задвижки и заглушки вы не снимете сами, да и системы у нас хитрые. — Фил снова нес эту вежливую чушь. Ему уже отказали, а он все равно навязывался.

— Филипп прав, — покачала она головой, игнорируя еще одну волну не самых вежливых слов. — Я пообещала мистеру Боузу показать вам квартиру.

Морс кивнул и выдохнул, кажется, первый раз. Так же, как и она: обреченно. И отчего-то эта первая вроде бы человеческая реакция обрадовала.

Легко подхватив единственный чемодан, он поднялся по лестнице на второй этаж. Первым. А она крепко держала керосинку и считала ступеньки, внимательно глядя под ноги. Он же, кажется, не замечал ужасной темноты: шел спокойно и уверенно, будто у ледяных глаз был бонус в виде ночного зрения.

Ступеньки скрипели, заглушая прощальное «Доброй ночи!» от Филя, которому давно было пора скрыться в своей норе.

На площадке второго этажа Полководец замер, озираясь по сторонам, ища нужную дверь. Не было у него никакого волшебного зрения. «Иди, ломись в пропахшую дешевым пивом и дешевыми песнями ЗА», — зло-радно подумала она.

— Налево, — бросила она, обходя нового соседа. — Давайте ключ.

— Я могу и сам, — спокойный, не терпящий возражений ответ. Чемодан беззвучно опустился на пол.

— Конечно, — ровно, равнодушно. Никак.

Но рука все же подняла керосинку выше, освещая темную дверь с крошечной черной отметиной. Сдержанный кивок вместо благодарности, ключ со скрежетом вошел в скважину. С первого раза. Беспрекословно провернулся, словно ждал и был рад подчиниться. Предатель. Дверь распахнулась, открывая